

Алексей Баринов

Сон в оранжевую ночь

Алексей Владимирович Баринов

Сон в оранжевую ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60827707

SelfPub; 2020

Аннотация

Сладкая нега дремоты отупляет. Чтобы жить, необходимо по-настоящему проснуться. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Надвигалась гроза. Неумолимо и беспощадно, окутывая тревогой и беспокойством каждую клеточку живого организма, от малых, едва проросших семян сиреневого дерева, до венца божьего творения – человека. Воздух встал, беспокойство жизни можно было потрогать, ощутить неловкое бие на кончиках дрожащих пальцев. Торопливые прохожие ежесекундно оглядывались на чернеющее небо, все ближе и необратимее нависающее над городом, прочерченным замысловатой линией великой и страшной реки.

Небо – будто тяжелый бархат занавеса на сцене театра, готовый вот-вот опуститься, чтобы наконец завершить этот бессмысленный спектакль, который кто-то называет жизнью, боясь и постоянно пытаясь оттянуть окончание своей пьесы, кто-то, наоборот, считает ее бессмысленным существованием, набиванием своего живота. Но перед надвигающейся бездной они встают в один тонкий ровный ряд. Они все становятся равными – и бегущие в шортах по тротуару без жетона на метро, и флегматично, с чувством внутреннего превосходства взирающие на уличную суету через тонированные стекла дорогих дворцов на колесах.

Гроза – скоро. Притихли и так немногочисленные птицы, изредка залетающие сюда с окраин и из зеленых парков миллионного города. В другое время их дикое многоголосие отлично контрастирует с гулким шумом движения на сумасшедших улицах, но стоит уставшему путнику сделать пару шагов в глубь домов, пройти через старые арки, пахну-

щие сыростью и человеческими отбросами, как он оказывается в новом, совершенно забытом мире, где правит любовь и мороженое из бумажного стаканчика, а музыка из старого граммофона мягким воском растекается по двору, окрашивая обшарпанные стены и выставляя на подоконники цветущие герани. И все это творится с легкого щебетания маленького почти незаметного существа.

Надвигалась гроза, буря приближалась упорно, планомерно и неизбежно. Воздух наполнялся тревогой – к скорым переменам, к очищению от накопившейся пыли и грязи. Город ждал ее, хотел ее. Ждали бездомные кошки, собаки, птицы, деревья раскрывали свои листья на встречу неминуемому ливню в предвкушении скорого очищения, гулко шелестя ветками, как будто обсуждая скорое превращение и этим до колик пугая бегущих людей.

И Он ждал. Он видел ее первые робкие знаки, Он знал – она придет, Он верил. И теперь, стоя на мосту, глядя в черную бездну Невы, переводя взгляд в еще большую черноту неба, Он чувствовал – Она как никогда рядом, момент настал, спектакль начинается.

Надвигалась гроза. Организм трепетал от нетерпения, дыхание жадно перехватывало воздух, становившийся все гуще, да так, что легким все труднее было втягивать эту необходимую смолу. В ушах шумел город, а в голове незримый оркестр закончил настройку своих инструментов, чтобы сыграть Вагнера, как нельзя кстати к разыгрывающейся траге-

дии мира и судеб человеческих.

Мир вокруг него с еще большей силой стал ускоряться. Торопливые прохожие, опасливо озираясь на небо, открывали всех мастей зонты, этот неотъемлемый атрибут питерского лета, большие, маленькие, черные, как деготь, и цветные, как сны у ребенка, еще не затуманенного пылью повседневности, – бесполезные в этой буре, они лишь задерживали свое движение, неуклюже сталкиваясь, бормоча извинения. Бежать дальше к метро, к дому или под маломальское укрытие, переждать. Гроза. Приближается гроза.

Он провел рукой перед собой, загребая пригоршню застывшего воздуха, попробовал его на вкус, этот кисель из переваренных мыслей города, впитавший в себя все оттенки страха и мгновений счастья.

Наконец небо сжалилось над сгорающей от нетерпения пустыней, и на город обрушился он – Ливень. Разрезая застывшее пространство тяжелыми острыми каплями, вмиг превратив сухие тропы автомобильных трасс в полноводные реки, а сами автомобили – в лайнеры и корабли, с шумом рассекающие неожиданное кипящее море. Сверкнула первая молния, озарив черноту только что солнечного дня. Он невольно улыбнулся, не то от переполняющего все его клетки торжества, а может, и подумал, что Великий Фотограф решил напоследок снять его, не испугавшегося и бросившего вызов этой буре. Вагнер собственноручно руководил оркестром, который играл настойчиво и громко, в такт гул-

ким каплям дождя и ударам грома. Он раскинул руки, будто ждал, что буря заключит его в свои жестокие объятия, словно деревья, подставляя себя живительной влаге, неизбежно окропляющей все вокруг. Он поднял лицо к небу, с благодарностью вглядываясь в бесконечную воду. Он был счастлив, и он торжествовал, стоя здесь на мосту между двух вод и окруженный водой со всех сторон. Вспышка, оглушительный удар грома сотряс все вокруг. Зазвенели стекла и провода на крышах домов, серенада сигнализаций диким ревом разлилась со всей своей скоростью. Вспышка, гром. Казалось, все вокруг сходит с ума или богам вконец опротивело поведение беспутных их творений, и они решили раз и навсегда смыть с лица земли всю грязь, все нечистоты, порожденные людьми, как бывало уже и не раз. А он стоял посреди бури, широко раскинув руки, он бросал вызов, зарвавшийся котенок, против всемогущества богов...

В том же году в тот же месяц и в тот же самый момент где-то в переулке стояла Она.

В мятой вылинявшей курточке, на которую ниспадали мягким каскадом теплые выющиеся волосы, чуть тронутые начавшейся бурей. Летнее платье, струясь, легко прикрывало колени. Она любила эти свои девичьи костюмчики, под очертаниями которых угадывалось стройное, пышущее юностью тело, еще не потерявшее своей свежести, но уже познавшее и полюбившее музыку чувственности. Она стояла в тесной арке, с готовностью выгоняющей непрошенных гостей на

шумную улицу одетой в вечный гранит набережной. У ног свернулся черный, как августовская ночь, кот, прижимаясь к человеческому телу и будто бы оберегая ее от нечаянного злого умысла, следя за окружающим миром сквозь разрез слегка прикрытых глаз.

Небо иссякло, поток, кажущийся бесконечным, постепенно увядал, как сорванная лилия, пышущая здоровьем, отдавая себя без остатка, медленно умирая. Она наклонилась, слегка прикоснувшись к своему неожиданному телохранителю.

– Вот и все, я пойду, пожалуй...

Тот заглянул ей в глаза, нарочито беззаботно зевнул и побежал, ведь столько еще важных дел сегодня предстояло сделать, но он не стал посвящать ее в тонкости своей жизни. Она получила защиту, Он – тепло ее тела. Все честно, все по закону жизни, и лишние вопросы тут совсем ни к чему...

Вопреки ожиданиям боги не наказали его небесным огнем или какой-либо другой карой за дерзость. На то и дано им было бессмертие, за тысячелетие которого они стали умнее, избирательнее, изобретательнее. Смелость нынче в дефиците, и глупо раскидываться таким шансом отлично повеселиться.

Он шел через мост, шел дальше, шел куда глаза глядят, ноги тянули его вперед, Он шел и даже не представлял, какие испытания и повороты приготовили ему те, кому он бросил вызов. Они его приняли, и теперь разыгрывалась вели-

чайшая драма на земле. Он шел, и Она шла ему навстречу, чтобы...

Что за бред.

Она закрыла книгу, впопыхах купленную в привокзальном магазинчике, Она всегда выбирала книги на дальних полках, без рекламы, раскрутки и прочей ерунды. Рядом тихонько сопел по-детски милый сосед. Она прикрыла глаза – стоило бы немного поспать перед тем как прибудем в пункт назначения, – сухость такой по-канцелярски однозначной мысли ее поразила, но она не стала вдаваться в дальнейшие рассуждения, просто отдалась единственному, кто давал ей успокоение в последнее время – Морфею.

Но недолго было позволено наслаждаться забытием. Лязг вагонной сцепки, дрожь по корпусу перевозившего ее транспорта заставили открыть глаза. Сосед куда-то делся, и она, дабы успокоить свой интерес, взглянула в окно. Пейзаж, открывшийся Ее взору, должен был поразить, но... за окном, куда ни глянь, все было **ОРАНЖЕВЫМ** – деревья в садах дачников, дома, сами дачники и неисчислимые дети дачников, они стояли, бегали, кружились по своим дачным участкам, махали своими оранжевыми руками, провожая небесно-голубой поезд. По небу с радостным щебетанием пролетала стая оранжевых птиц, пытаясь затмить собой оранжевое зарево ванильно-оранжевого заката, где солнце вот-вот превратится в легкое, почти неуловимое пламя одинокой свечи, чтобы, угасая, дать время новой, незнакомой ему жизни.

«Как интересно, – шепотом подумала она, – наверное, это какая-то оранжевая область... Надо будет спросить у сестры, где это в окрестностях Петербурга – Оранжевая область...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.